

Автора «Хроники» можно понять. Его прежде всего интересует генетика, биологическое родство, кровная родовая связь. Мария Дмитриевна не отвечает этим критериям. Тем более что у нее с Достоевским не было общих детей. Но ведь недаром изречено: «... Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть».

Достоевскому некого было *оставлять*. Родителей к моменту женитьбы у него давно уже не было. С тем большей силой влекся он к той, которая смогла бы не только составить с ним «одну плоть», но, как он полагал, и единую душу. Узы, соединившие их двоих, оказались куда прочнее иных кровнородственных связей.

В годы, когда М.В. Волоцкой составлял свою «Хронику», просвещенный мир имел довольно смутные понятия о первой жене Достоевского. Едва ли не единственным источником информации об этом предмете были воспоминания Любови Федоровны. Дочь писателя от второго брака писала их в Швейцарии в 1918–1919 гг. Впервые они были изданы в Мюнхене в 1920-м, а затем – переведены на многие европейские языки. Русский перевод – с немецкого! – появился в России в 1922 г., однако в сильно урезанном виде.

Публика, до сих пор мало что знавшая об интимных сторонах жизни писателя, но горячо жаждавшая восполнить этот пробел, не могла не довериться сведениям, исходившим от одного из членов семьи. А именно – что после каторги «от запоздалой юношеской незрелости» автора «Бедных людей» «не осталось и следа, и он стал мужчиной, и хотел любить». Публика вместе с автором воспоминаний уже готова была порадоваться за героя. Но... «Но какую ужасную женщину послала судьба моему отцу!»

Взыскательную дочь не устраивают ни характер, ни моральные качества Марии Дмитриевны. Но прежде всего ее коробит *антропология*. Согласно уверениям дочери, М.Д. Констант (девичья фамилия Исаевой) лишь выдавала себя за француженку. На самом же деле «эта бесстыжая женщина была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время бегства из Москвы». Причем, счастливо унаследовав от матери ее русский тип, она тщательно скрывала от окружающих свое африканское происхождение (не в пример, скажем, «прекрасной креолке» Надежде Осиповне Ганнибал, чьи африканские черты неосторожно воспроизвел ее сын, «потомок негров безобразных»). Достоевский, таким образом, пал жертвой гнусного генетического обмана, а сверх того подверг испытанию свой патриотизм, связав собственную судьбу с наследницей коварных завоевателей России.

Новейшие разыскания (Н.И. Левченко) позволяют, однако, значительно скорректировать эту впечатляющую картину.

В Россию переселился не отец, а дед Марии Дмитриевны – Франсуа-Жером-Амадей де Констант. Он был отнюдь не наполеоновским мамелюком, а дворянином и капитаном королевской дворцовой гвардии, который после падения Людовика XVI покинул взбунтовавшееся отечество и, как многие другие эмигранты, был привечен щедрой российской императрицей (заболевшей, говорят, при известии о казни французского короля). Дед будущей жены Достоевского поступил на русскую службу, принял православие и новое имя – Степан. Женился он, однако, на француженке. Так что сын его, Дмитрий, отец Марии Дмитриевны, – чистокровный француз. В 1820 г. Дмитрий Степанович недолгое время служит переводчиком в штабе генерала И.И. Инзова, где в то же время и в том же качестве подвизается его одноклассник – А.С. Пушкин. История, впрочем, умалчивает, были ли они знакомы.

Дмитрий Констант женится на русской дворянке по имени Софья Александровна (фамилия, увы, неизвестна). В 1824 г. рождается дочь – Мария. Когда она впервые встретит Достоевского, ей будет 29. В своих письмах из Сибири Достоевский всегда твердо указывает возраст своей